

РОГОЖНИКОВА Т.П.
(ОмГУ им. Ф.М. Достоевского)

КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА АТРИБУТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ В РУССКОЙ КНИЖНОСТИ XV В.

The article deals with the problem of non-systemic forms in the Russian language at the turn of the 15th and 16th centuries, and the issue of their cognitive nature. The author's focus of attention comprises grammatical and synthetical linguistic means of generating an abstract character.

Key words: *bookish, sacral, non-systemic, hyperonym, character, notion, substantial.*

Книжность конца XV – середины XVI вв., в частности житийные тексты канонического характера, характеризуется большим количеством окказионально усложненных словообразовательных моделей. В сакральных текстах данный словообразовательный «взрыв» реализовался как способ создания стилистически маркированных единиц.

Сакральная идея жанра и гипертрофированная форма совпали в идее высокого стиля в тексте жития, открытом для подобных динамических процессов в языке. Семантика родового признака шире видового по объему, но уже по содержанию, поэтому разработка признаков сакральной идеи – специфических средств выражения святости – приводила к появлению в текстах необычных, внесистемных форм, определяемых современным сознанием как риторические, искусственные. Генетически данные новообразования не являются ни архаизмами, присущими системе языка на более ранних ступенях ее развития, ни церковнославянизмами – это текстовые (синтагматические) элементы, в функциональном отношении выступающие в качестве средства выражения отвлеченного смысла.

Движение от вида к роду, от образа к понятию как путь к созданию гиперонима необходимо для осознания различительных признаков понятия. Выделение существенных признаков в средневековье сопровождалось их диффузностью («текучестью»), что особенно ярко проявляется и на уровне морфологическом – в создании амбивалентных по грамматической семантике определений к отглагольным существительным процессуальной семантики: *варение квасное, рыбное ловление, отъятие власяное* и др.

Подобные выражения образованы путем преобразования переходного глагола с существительным – объектом действия в атрибутивные сочетания девербатива с относительным прилагательным. В результате в сочетании происходит удвоенное отвлечение – действия в имени и объекта в прилагательном: *варити квас – варение квасное* (бЭ некии братъ проходаше службу в монастыре **вареніе квасное** (Житие Павла Обнорского)); *ловити рыбу – рыбное ловление* (*искусенъ же бяше на **рыбная ловления*** (Житие Мартина); *отъяти власы – отъятие власяное* (**съ отътиемъ власянымъ** и *въсяко мудрованіе отрезаеъ плотское* (Житие Павла Обнорского)); *уклоняшеся и на **винное питіе*** (Житие Иосифа Волоцкого).

Характерно, что форма прилагательного обозначает, как правило, объектные отношения. В редких случаях атрибутивные сочетания передают отношение действия и определяемого через него результата: *посэчи до смерти – посэчение смертное* (и за се посла на тя **посэченіе смертное** (Житие митрополита Ионы)). Однако отношение

действия к орудию его исполнения выражены существительным в творительном падеже: *и многы рыбы принося ловлением удою и сѣтьми* (Житие Ферапонта)). Видимо, в таких случаях актуален не признак действия, а характер его исполнения, чем вызвана видовая конкретизация процесса.

Важно тем не менее, что процесс отвлечения качества в признаке затрагивает конкретную сферу действия – его вещественный объект ('варить квас', 'стричь волосы', 'ловить рыбу', 'пить вино'). Выражение объекта в прилагательном способствует в таких случаях не усилению отвлеченности семантики, а отвлеченности признака как неотъемлемого (существенного) свойства предмета (явления).

В атрибутивных сочетаниях синтезированы словообразовательные возможности разных частей речи: имени существительного – в выражении предикативности, прилагательного – свойств объекта действия. Таким образом имплицитно создается многозначная семантическая структура.

Модификацией данной словообразовательной трансформации является словосочетание *ловець звѣрскъ* (*и даде ему ловца звѣрска* (Житие Иосифа Волоцкого)). Относительное прилагательное в архаической именной форме употреблено в значении, не зафиксированном историческими словарями именно для данной словообразовательной модели: прилагательное *звѣрскыи* приводится в словарных статьях в значении притяжательном 'относящийся к зверю' (*зубы звѣринными сомлень еси* – в Палее 1406 г. и в переносном 'жестокий, свирепый' (*скотьскыи же и звѣринныи имуще нравъ* – в Словах Григория Назианзина XIV в. [Словарь XI-XIV. Т. 1. С. 364]. Кроме того, судя по примерам из памятников, прилагательное употреблялось и в объектном значении: в Хронике Георгия Амартола III-XIV вв. – *Арфемии же ловъ звѣринь* [Срезн. Т. 3. С. 965], в Лаврентьевской летописи 1377 г. – *Всеволоду ловы дѣющю звѣринья* [Словарь XI-XIV. Т. 1. С. 361].

Сопоставление форм прилагательных и их грамматической и лексической семантики позволяет заключить, что в форме *звѣрскъ* совмещены значение притяжательности (к существительному *ловець*), в XVI в. для данной модели неактуальное, и объектное, свойственное модели с суффиксом *-ин-* в переводных текстах.

Прилагательное в приведенном сочетании передает одновременно и объект действия ('ловец зверей'), и принадлежность этому объекту, обобщая эти значения в признаке, характеризующем род занятий человека ('охотник'). Описательная характеристика в целом как обозначение «профессии» близка к гиперониму ('охотник'), прилагательное же непосредственно передает существенный признак в специально созданной для этого форме.

Широкая распространенность данной модели свойственна житийным текстам XV-XVI вв. и объясняется широкими словообразовательными возможностями форманта *-ьск-*. «Все большее развитие качественных отношений ... и ослабление категории денотативного отношения приводит в сферу отношений принадлежности и образования с суффиксом *-ьск-*» [Попова 2003, 69]. Суффикс выступает в данном случае как необходимое условие развития качественных имен.

В процессе идеации грамматически актуальной становится функция прилагательного, создающего отвлеченный от вещи признак, признак содержания понятия. Прилагательное является основным средством логического и аналитического выражения признака (в данном случае признака действия). Однако в приведенных случаях прилагательные выделены и отвлечены от предмета формально, по

грамматической же семантике они включают в себя объект действия, выраженного существительным.

Качественное прилагательное передает отвлеченный признак, специфическим свойством которого является необратимость: признак не может трансформироваться в обозначение предмета, соотносимого с субъектом – носителем признака, в отличие от прилагательных относительных и притяжательных.

Как известно, в системе русского языка в атрибутивной функции закрепились качественные прилагательные (они маркированы данной функцией). Относительные же в роли определений, передающих объект или субъект действия, постепенно дифференцировались от качественных и заменялись уже в древнерусский период существительными в дательном падеже (*звздное течение – звздамъ течение, на учение книжное - на учение книгамъ* (Повесть временных лет) [Георгиева 1968: 58]), а впоследствии – несогласованными определениями, дающими больше возможностей для детальной характеристики субъекта и объекта действия [Георгиева 1968: 60-61]. Не случайным поэтому представляется отсутствие подобных форм в литературном и церковнославянском языках последующих периодов развития [Крацевкий, Плетнева 2001], связанное в первом случае с процессом функциональной дифференциации, во втором – с осознанием их несоответствия норме.

В диахронической трансформации прилагательных в атрибутивной функции отразилось переосмысление отношений между понятиями и средствами их выражения, закрепившееся в дифференциации форм в соответствии с их функциями. Следовательно, текстовые формы относительно-качественных прилагательных на этом фоне предстают как синкретичные по функции, но по форме атрибутивные. Кроме того, в атрибутивных сочетаниях относительные прилагательные, образованные по модели качественных, амбивалентны по своей грамматической семантике, обозначая одновременно признак (сигнификат) и отношение к объекту (денотат), и являются, по сути, текстовым вариантом, промежуточным в движении от предмета к понятию (от отношения к отвлеченному признаку). Таким образом, текучесть признака, закрепленная в форме атрибута, отражает узуальное (часто окказиональное) словотворчество в виде высокого варианта, призванного обозначить выделенное мыслью качество.

Литература

Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского литературного языка. – М.: «Русский язык», 1968. – 248 с. Крацевкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX-XX вв.) / Отв. ред. А.М. Молдован. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 400 с. – (Studia philologica). Попова С. В. К истории притяжательных прилагательных (на материале русских агиографических текстов XII-XVII вв.) // Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной: Сб. статей / Отв. ред. Б.И. Осипов. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2003. – 200 с. – С. 95-107.

Источники

Житие Иосифа Волоцкого – Великие Минеи Чети, сентябрь, дни 1-13, СПб., 1868, стб. 453-492. *Житие Мартиниана* – РНБ, Соф. собр., № 467, л. 49-97 об., XVI в. *Житие Павла Обнорского* – Великие Минеи Чети, январь, дни 6-11, М., 1914, стб. 509-558. *Житие Феранонта* – РНБ, Соф. собр., № 467, л. 14-18, XVI в.

Словари

Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10 т. – М.: «Русский язык», 1988. (В тексте – Словарь XI-XIV). *Материалы для словаря древнерусского языка:* в 3 т. (Репринтное издание) – М.: «Книга», 1989. (В тексте – Срезн.).